

Самый солнечный день они видят, как на негативе. И таких ребят в Валуйской школе-интернате для слабовидящих девяносто четыре.

Я спросил у завуча школы, исполняющей сейчас трудные обязанности директора, Лидии Николаевны Шестаковой, как живется школе.

Государство об интернате, конечно, заботится. Все есть — и 256 рублей 95 копеек с бухгалтерской холодностью оно на каждого «выделяет» (слово-то какое!), и «говорящими книгами» — наговоренными на магнитофонную ленту повестями и романами — школа обеспечена, как и учебниками с выпуклым шрифтом Бройля, и даже автобус свой есть.

Все? Но часто ли вспоминаем мы, что шрифт Бройля и «говорящие книги» — это по европейским меркам даже не прошлый, а позапозапрошлый век?

Что денег этих все равно не хватает, и никогда у мальчишки нет нескольких несчастных копеек, чтобы купить в киоске мороженое?

Что хотя учеников из таких интернатов все прославленные клиники, включая Федоровскую, принимают вне любых очередей, но тут, в райцентре Белгородской области, приход в школу квалифицированного, знающего педиатра — праздник, а постоянная консультация у психиатра — проблема неразрешимая?

Что же до автобуса — есть он, автобус, Старенький, конечно, и, конечно, сломанный, потому что запчасти для него, кажется, только лишь на валюту и можно купить. Поэтому друг человека и постоянное средство передвижения — лошадь, которой правит дядя Коля. И — не жалуется, радуются даже. Могло быть и хуже, говорят.

— Ну вот видите... — говорю я Шестаковой, бессильный утешить чем-нибудь иным, кроме слов.

— Я плохо вижу, — мягко отвечает она. — У меня ведь зрение тоже... чуть больше десяти процентов...

Сегодня в стране 89 школ для слабовидящих детей и 49 — для детей слепых. Учатся в них 24 тысячи ребят. Вот такие цифры. И не отводите от них глаз.

М. ДУБРОВСКИЙ.

Фото Ю. Владимиров.